
К. Е.
Этот последний

К. Е.

Этот последний

«Автор»
2026

Е. К.

Этот последний / К. Е. — «Автор», 2026

После трёх неудачных романов Саша хочет хотя бы на работе обойтись без сюрпризов. Но начальница нанимает ей помощника. Сначала Миша только мешает. Потом приносит шоколадку, смешит её посреди съёмки и зовёт в кино. После первого свидания Саша говорит подруге: «Этот точно последний».Год спустя они съезжаются. И вот уже просьба убрать носки превращается в спор о том, кто больше делает по дому, а разногласия на работе они приносят к ужину. После расставания Саша учится проходить мимо Мишиного стола, не поднимая глаз. Почти получается. Пока однажды он не догоняет её у выхода и не целует.Саша принимает этот поцелуй за приглашение начать сначала. На следующий день Миша называет его последним.

© Е. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 5
2 7
3 9
4 11
5 13
6 16
7 18
8 20
9 22
10 24
11 26
12 28
13 30
14 32
15 35
16 37
17 39
18 41
Конец ознакомительного фрагмента. 43

К. Е.
Этот последний

1

— Выкинь. Только не открывай.

Ира уже подцепила ногтем крышку контейнера. Послушно убрала палец.

— Он тебя чем-то обидел?

— Он из квартиры Димы.

— Это я поняла. Вопрос был про контейнер.

Саша взяла его и потрясла. Внутри сухо зашуршало. Макароны, вспомнила она. Они с Димой купили их на рынке, чёрные, с чернилами каракатицы. Продавщица уверяла, что дети едят такие даже без сыра. Детей у них не было. Они купили две пачки и обе берегли до случая.

— Макароны я оставлю, — сказала она. — А коробку выкину.

— Вот теперь ты мыслишь здраво.

На кухне у Иры было тепло от духовки. На подоконнике остывали четыре печёных яблока. Пятое она успела съесть над раковиной и теперь слизывала с запястья мёд. Саша привезла сюда последнюю сумку из Диминой квартиры, чтобы разобрать её в компании. Дома сумка с воскресенья стояла бы в прихожей. Саша вынимала бы из неё по вещи, спотыкаясь о ручку, пока наконец не повесила бы ручку на вешалку вместе со всем содержимым.

— А это чьё? — Ира достала плоский штопор с надписью «Псков».

— Моё. Мы с Артёмом туда ездили.

— Тот, который разлюбил тебя по электронной почте?

— По почте он прислал билеты. Разлюбил лично. Я из уважения к процедуре всё-таки пришла.

На обратном поезде из Пскова Артём уступил ей место у окна и до самого Петербурга держал на коленях её рюкзак. Дома за три дня к ней ни разу не прикоснулся. Саша тогда взяла его за руку посреди улицы и почувствовала, как он разжал пальцы, чтобы дать ей понять. Она стиснула их крепче. От этого воспоминания до сих пор хотелось о чём-нибудь срочно спросить человека рядом.

— Ты завтра во сколько? — спросила она Иру.

— В десять. Давай следующий предмет.

Следующим оказался красный носок. Саша его понюхала, тут же поморщилась от собственной глупости и сунула в карман. Носок был её. Из пары, которую она считала пропавшей ещё у Кости.

На телефон Кости позвонили в половине седьмого утра. Он был в душе и попросил Сашу ответить. Девушка на том конце сказала: «Ты взял у меня ключи, я не могу выйти из дома». Саша в тот день отпросилась с работы, просидела до обеда в кафе и составила Косте сообщение из девяти абзацев. Потом стёрла его и отправила адрес девушки, который он ей продиктовал. Он попросил скинуть в чат, потому что боялся забыть.

— Знаешь, с кем я точно больше никогда не буду встречаться? — спросила Саша.

— Со мной. У меня одна кровать и кошка против.

— С человеком, у которого всегда своя версия того, что только что произошло.

Ира опустила в мойку штопор, который надо было отмыть, и дала Саше ложку. У печёного яблока лопнула кожица, по тарелке стекал горячий сок.

— Дима всё ещё пишет про сушилку?

— Вчера прислал фото. Говорит, моя. Я говорю, оставь себе. Он говорит, не надо мне указывать, что делать с вещами в моём доме. Ира, у него двадцать четыре прищепки, и он готов умереть за каждую.

Саша засмеялась и обожгла нёбо. Ира постучала ложкой по её тарелке, подзывая кошку. Та понюхала воздух, посмотрела на них с недоверием и улеглась под батареей.

Из сумки вытащили толстовку, блокнот с оторванной обложкой, три зарядки, полотенце и пакетик семян базилика. Саша перебрала зарядки, оставила себе самую длинную. Базилик Ира забрала. Пока она читала на обороте, как глубоко сажать, Саша подошла к окну. В доме напротив мужчина в рубашке гладил одежду. Доска стояла у самого стекла, изредка от утюга поднимался пар. На соседнем подоконнике горела маленькая лампа, и кто-то подкручивал её абажур. Саша дождалась, пока в окне появится второй человек, и только тогда задёрнула штору.

2

На дне сумки с вещами оказался конверт с её именем. Саша обнаружила его на следующий день, когда понесла коробку к мусорным бакам. В конверте лежали два пропуска в ботанический сад, напечатанные на домашнем принтере. Бумага на углах размякла от сырости. На обороте Дима записал, в каком часу пускают в оранжерею и где лучше выйти из трамвая.

Она помнила, как они собирались туда весной. В субботу он встал и пошёл бриться, а она полезла в стиральную машину за рубашкой, которую оставила там на ночь. Бельё пахло водой из болота. Дима вышел из ванной с пеной на ухе и спросил, почему она опять забыла его развесить. Саша сказала, что в машине есть и его вещи. Он ответил, что стирал вчера, а сегодня её очередь. В десять двадцать, когда им уже надо было стоять у входа, они оба ещё были дома. Дима открыл окно, Саша включила стирку заново. Потом он сделал ей кофе, подал его за ручку и предложил пойти во двор. Во дворе они пили из одной чашки и делали вид, что так и собирались провести утро. Про ботанический сад больше ни разу не вспомнили.

На мусорной площадке дуло. Саша поставила контейнер на бак, чтобы освободить руку, и открыла чат с Димой. Там по-прежнему было фото сушилки. Она написала: «Нашла билеты. Ты их покупал?» Подумала. Выделила и удалила. На крышке бака рядом с контейнером лежали две половинки разбитой чашки. Саша бросила контейнер внутрь, переложила билеты во внутренний карман куртки и пошла к метро.

Ей нужно было к Ире на работу. Ира с утра попросила занести зарядку, забытую на кухне, а под конец сообщения добавила: «Если узнаешь меня, не смей смеяться». Саша вошла в магазин и сразу увидела, о чём речь. Ира стояла у входа в бежевом халате с крупными лилиями. На груди висела бирка «Ирина, администратор». Две клиентки разглядывали такой же халат на стойке. Одна спрашивала, садится ли он после стирки. Ира ответила, что по её лицу, наверное, видно, как давно она его носит.

— Ты когда устроилась в гостиницу? — спросила Саша, когда клиентки ушли.

— С утра нас переодели в сезонный ассортимент. Вчера ходили с медведями на карманах. Сегодня, считай, повезло.

Ира отвела её к кассе, достала из-под стойки бутылку воды и выпила половину, не отрываясь. На стойке стояли три банки с одинаковыми свечами. Ира открыла одну, понюхала и поставила под кассу. Саша потянулась к другой. Запах был как у чистой пепельницы, на которую выдавили мандарин.

— Ужасно, — сказала она.

— Это «Праздничное утро». «Утренняя свежесть» справа.

Справа пахло машинным маслом. Ира с интересом следила за её лицом. Потом заметила выступающий из кармана конверт и спросила, что там. Саша рассказала про билеты.

— Можешь отдать в рамочку, — сказала Ира. — Напишем снизу: «Первый документально подтверждённый случай, когда Дима подумал о выходных раньше Саши».

— Он часто думал о выходных раньше меня.

— Вот и скажи это в следующий раз, когда я начну при тебе шутить.

Саша посмотрела на неё. Ира уже тянулась за кассовой лентой. Катушка выскользнула, подпрыгнула на полу и покатилась к примерочным. Саша поймала её ногой. У Иры с плеча сползал халат. Она заправила его под бирку и вернулась к кассе.

Они познакомились на втором курсе, когда снимали комнаты в одной квартире. В первый вечер Саша сварила на двоих пельмени и обнаружила, что у Иры нет тарелки. Ира ела из кастрюли, аккуратно вылавливая пельмени маленькой ложкой. Потом спросила, почему Саша сама ничего не берёт. Саша ответила, что стесняется есть с незнакомым человеком из одной кастрюли. Ира помыла ложку, вытерла о футболку и сказала, что теперь можно. Через три

месяца они съехали из той квартиры, каждая по своей причине, но кастрюлю по очереди возили друг другу ещё два года.

— У меня сегодня был мальчик, — сказала Ира. — Лет шесть. Выбирал папе кружку. Берёт с полки, смотрит на ручку и кладёт обратно. Шестая подходит. Я спрашиваю, чем она ему так приглянулась. Говорит, папа обжёг руку, ему нельзя сгибать палец, а сюда вся ладонь пролезает. Мать ему дала тысячу. Кружка стоила четыреста. Он попросил сдачу десятками, чтобы в кармане гремело. Я выдала. Потом заведующая попросила сделать вид, что я забыла пересчитать кассу.

— Выдала всё десятками?

— Сорок штук наскребла. Остальное пятёрками.

Ира открыла выдвижной ящик. Там лежал моток шнура, большой канцелярский нож и стопка листов с карандашными схемами. На верхнем Саша различила прямоугольник с тремя короткими линиями у входа. Она спросила, что Ира чертит.

— Им надо переставить столы перед Новым годом. На этот угол постоянно натыкаются, видишь? Я сказала, давайте повернём. Они говорят, коробки под него не влезут. Я сегодня измерила коробки, влезут.

Саша перегнулась через стойку. Ира развернула лист и показала, откуда входит покупатель с коляской и в какой момент ему приходится сдавать назад. У Саши на работе было такое же место между машиной для кофе и стойкой с кружками. Паша просил поставить туда коврик, потому что пол скользкий. Вера говорила, что коврик некрасиво смотрится на фотографиях.

— У тебя можно заказать, чтобы я больше никогда не упиралась бедром в витрину? — спросила Саша.

— Привози витрину.

К кассе подошла женщина с тремя полотенцами. Ира отложила чертёж, сложила полотенца краями внутрь, каждое перевязала бумажной лентой. Женщина долго выбирала, в какой пакет их убрать, потом достала из сумки свой, с рисунком метро. Ира погладила ладонью бумажную ленту и отдала ей полотенца по одному.

На улице уже темнело. Саша дождалась, пока Ира освободится, и протянула ей зарядку. Та взяла её, уронила на стойку, спросила, дошла ли Саша нормально вчера. Саша ответила, что дошла. Ира кивнула. С тех пор, как Саша съехала от Димы у них был этот вопрос. Ира не спрашивала, скучает ли Саша, если можно было сначала выяснить, поела ли она и где будет спать.

Саша оставила билеты у кассы. Ира увидела и не стала их возвращать. Только расправила мокрые углы, чтобы высохли. Саша уже стояла у двери, когда Ира окликнула её и показала, как распахнуть халат, чтобы на лилиях стала видна застёжка. Под ним были джинсы и чёрная майка, её собственные вещи. Саша изобразила, будто не ожидала, и ушла, пока не подошла заведующая.

3

В воскресенье вечером Дима привёз сушилку. Саша не просила. Он написал, что всё равно поедет через её улицу, и в шесть позвонил снизу. Она спустилась без куртки, потому что рассчитывала забрать сушилку у машины. Дима уже стоял в подъезде. Сушилка не проходила между батареей и дверью. Он держал её на весу, упираясь локтем в стену. Саша придержала створку. Дима повернул сушилку и поднялся с ней до первого этажа.

— Она тебе точно не нужна? — спросила Саша.

— У меня в ванной верёвки.

— Ты же не любишь на верёвках.

— Я там теперь окно открываю.

Они посмотрели друг на друга. Саша раньше открывала в ванной окно, а Дима за ней закрывал, потому что к утру остывал пол. Она узнавала, что он его закрыл, когда заходила босиком. Тогда опять открывала, чтобы полотенца высохли. Она могла бы спросить, что ему теперь важнее, пол или полотенца. Дима уже поставил сушилку у стены и разглядывал ободранный край.

— Тут колпачок потерялся, — сказал он.

Саша нагнулась. На одной ножке не было резиновой заглушки. Дима достал из кармана свёрнутую салфетку. Внутри лежали две заглушки, обе целые, одна чёрная, другая белая. Он купил обе, потому что не помнил размер. Белая подошла. Саша нажала большим пальцем. Заглушка щёлкнула, и ножка больше не царапала пол.

— Спасибо, — сказала она.

Дима кивнул, не встал. Он смотрел на петлю, где они однажды перетянули проволоку, чтобы не падало полотенце. Саша в тот вечер затянула слишком крепко. Дима сказал, что у неё руки золотые, только она ими никому не даёт работать. Она тогда рассмеялась. На следующее утро он повторил то же самое без улыбки. Поводом были уже не проволока и не полотенце. Саша помнила слова, но не могла вспомнить повод.

— Хочешь чай? — спросила она.

Дима поднял голову. Можно было принять это за приглашение снова подниматься к ней, оставаться, выбирать кружку. Саша сама не знала, зачем спросила. Ей хотелось, чтобы он выпил чай и ушёл, а от чая не осталось ничего, кроме грязной кружки. Дима посмотрел на часы. Сказал, что ему к сестре, надо отвезти гладильную доску.

— Как у неё рука?

— Уже нормально. Вчера видела, что я без перчаток пришёл, сама сходила за ними.

Саша помнила его сестру. Когда та обожглась, Дима ездил по вечерам делать ей ужин. Саше однажды привёз из магазина зелёные яблоки, потому что она попросила красные, а красные показались ему слишком мягкими. Она держала пакет, смотрела на яблоки и пыталась понять, почему ему так трудно купить именно то, что она просит. Потом съела одно. Второе отнесла на работу. Третье Дима нашёл в холодильнике уже после её ухода и написал, не надо ли привезти. Саша тогда не ответила.

— Кстати, я нашла билеты, — сказала она. — В ботанический.

Дима наморщил лоб. Саша напомнила про субботу, про оранжерею. Он вспомнил. Посмотрел на сушилку и сказал, что покупал три, два положил в конверт, а третий достался ему по акции и его он подарил соседке. Соседка сходила с дочерью, потому что купила ещё один сама. Саша не знала этой части истории. Спросила, понравилось ли им. Дима сказал, что да, они потом привезли ему открытку с кактусом. Она висела в кухне под магнитом. Саша вспомнила открытку. Думала, это была реклама доставки.

— Если будешь ещё что-нибудь находить, — сказал Дима, — можешь просто оставить себе. Я больше не буду возить.

— Хорошо.

Он поднялся. Посмотрел на её босые щиколотки, открыл было рот, но ничего не сказал. Саша развернула сушилку, чтобы пропустить его к двери. Дима вышел, подождал, пока она пройдёт с сушилкой до лестницы, и только потом отпустил створку. Саша подняла сушилку домой сама. Поставила у окна. У белой заглушки была тонкая юбка, которой не было на остальных. Саша срезала её ножницами, проверила, устойчиво ли стоит, и развесила выстиранные полотенца. Ещё два места остались свободными. Она не стала ничего искать, чтобы их заполнить.

4

В компании «Вторая чашка» всё самое важное происходило до девяти утра. Сервисники забирали инструменты, кладовщик Паша проверял накладные, кофемашины в выставочном зале запускали первую промывку. К девяти пятнадцати уже можно было опоздать на съёмку, остаться без чистой ложки и обнаружить, что образец, на который ты писала сценарий, уехал в Гатчину.

В понедельник у Саши случилось всё сразу. Она шла по коридору, на ходу исправляя сообщение Паше с «Верните её» на «Есть ли возможность вернуть её сегодня?», и врезалась в мужчину с картонной коробкой. Край коробки ударил её под рёбра. Мужчина успел прижать к стене то, что из неё вылетело. Моток синей изоленты всё-таки покатился по линолеуму.

— Извините, — сказала Саша.

— Ничего. У вас там кофе…

Она осмотрела рубашку. Кофе был на телефоне, на большом пальце и на крышке его коробки. Саша вытерла телефон о джинсы, повторила «извините» и пошла дальше. Изоленту она перешагнула.

Через двадцать минут она вернулась в кабинет с запасной ложкой и обещанием Паши сделать всё возможное. Мужчина из коридора сидел у окна. На пустовавшем столе стояла коробка. Из неё теперь торчала ветка в стеклянной бутылке.

— Это у вас временно? — спросила Саша.

— Ветка?

— Вы.

— Михаил. Можно Миша. — Он встал. — Мне Вера сказала, что мы будем вместе делать контент. Я вчера тебе на почту писал.

Вчера у Саши был выходной. Она не проверяла почту и была собой довольна до этой минуты.

— Я сейчас, — сказала она.

У Веры на стене висели фотографии клиентов, которые открывали кофейни с их оборудованием. На одной пожилые супруги держали ножницы для ленточки вдвоём, потому что владелица кофейни сломала запястье. Саша сама сделала этот снимок. Сегодня Вера передвинула его на край стола, чтобы освободить место для диаграмм.

— Мне помощник не нужен.

— Тебе человек нужен, — ответила Вера. — У тебя пятнадцать отгрузок в неделю, четыре выезда в месяц, рассылка, сайт, две площадки. Ты в прошлую субботу отвечала покупателю про паровой кран в три ночи.

— Потому что он мне в три ночи написал.

— Если бы у нас все работали по такому принципу, Паша бы спал на складе. Покажи Мише, как у нас всё устроено. Он снимал и монтировал, резюме я тебе перешлю. Нам нужно больше видео. В декабре выставка, к ней я хочу нормальный запас.

— А спросить меня до того, как он придёт?

Вера сняла очки.

— Я решила, что ты будешь против и до, и после. Мне было удобнее после.

Саша могла оценить прямоту. Оценивать её хотелось с безопасного расстояния.

Когда она вернулась, Миша пытался подключить монитор. Под столом виднелась его рука, шарившая по полу.

— Розетка за батареей, — сказала Саша. — К ней нельзя. Паша придёт с удлинителем.

Миша вылез. На щеке у него отпечаталась полоска пыли.

— Я вчера уже был на складе. Паша сказал, удлинитель в Гатчине.

Саша знала, что он шутит. Из принципа уточнила, откуда у него такая информация, и сразу почувствовала себя дурой.

Она провела его через выставочный зал, показала наклейки с ценами, показала, где хранятся пресс-киты. Он записывал в бумажный блокнот. Когда она сказала «снимаем в основном вертикально», Миша записал и это. В сервисе их встретил Геннадий, мастер с тихим голосом, и показал сгоревшую плату. Миша наклонился над ней и спросил, можно ли было понять заранее, что она сгорит.

Геннадий впервые за всё время, что Саша у него снимала, произнёс при ней больше трёх предложений подряд. Он достал из ящика три одинаковые детали и велел Мише понюхать каждую. От одной тянуло палёной шерстью. Миша передал её Саше. Она взяла двумя пальцами и тоже понюхала.

В кабинете он спросил, что ему делать до обеда.

— Ознакомься, — ответила Саша и отправила ему ссылку на папку с архивом.

К вечеру на её столе лежал листок. «В ролике от 14-го на 00:21 Паша говорит, что машинку вымыли. У него в кармане мокрая губка. Это лучшее, что я сегодня видел».

Саша проверила. Губка торчала из кармана, синяя, совершенно отчётливая. Она сидела над этим роликом шесть часов. Миша, собирая коробку, на неё не смотрел. Она подождала, пока он уйдёт, и прокрутила место ещё раз.

5

Во вторник с утра приехала машина из Гатчины. Вместо выставочного образца Паша принёс Саше её пустую коробку и попросил подержать, пока он вынимает из кузова то, что осталось от другой кофемашины. Сняли с полки по ошибке. Новую увезли клиенту, клиент успел распаковать, а их образец так и стоял у него на складе. Взамен водитель прихватил технику, которую там собирались списать. Она была тяжёлая, с одной помятой боковиной. На передней панели под круглыми кнопками чёрным маркером было выведено «ЛЕВАЯ НЕ РАБ.». Паша с водителем опустили машину прямо на мокрый асфальт.

— Эту будешь снимать? — спросил он.

— Зачем?

— Не знаю. Ты же снимала, как я мою губку.

От коробки оторвалась ручка. Миша подошёл со спины, поймал дно. Саша успела удержать коробку с другой стороны, и они несколько секунд простояли каждый со своей половиной пустого картона. Паша тем временем ушёл за тележкой.

— Я про губку никому не говорил, — сказал Миша.

— Значит, он сам знает.

— Ты ему заплатила за съёмку?

— Кружку выдала.

— Свою?

— Чужую. Хочешь, найду ещё одну?

Они донесли коробку до двери. Миша ушёл обратно к Паше. Саша видела через стекло, как они наклонили машину и на асфальт вытекла ржавая вода. Миша потянулся за телефоном. Геннадий, который спустился из сервиса и стоял у рампы, сказал: «Не снимай, провод ногой прижми». Миша убрал телефон и наступил на провод. Водитель посмотрел на них из кабины, закрыл окно и уехал.

Машину поставили в дальнем углу сервиса. Геннадий намотал провод на ладонь, отодвинул старый чайник и только тогда повернулся к Саше.

— Хочешь знать, что из неё ещё сделать можно? Приходи завтра. Я её сначала отмыть должен.

Саша спросила, работает ли правая группа. Он ответил, что ничего пока не знает. И добавил: «И ты пока ничего не знаешь». Она поняла. В феврале на странице компании вышла запись о другой машине. Вера продиктовала, что заменили все изношенные детали, а Геннадий заменил только две прокладки. Мастер принёс обе старые прокладки в кабинет и выложил на лист бумаги. Саша переписала запись, пока он смотрел. Теперь он иногда спрашивал, сколько деталей она уже успела заменить, и речь почти всегда шла о рекламе.

На обеде Вера позвала Сашу в зал. У самого входа посреди прохода стояла витрина на колёсах. Рядом лежала пачка вымытых стаканов из-под йогурта. Саша нагнулась, взяла один. Вера сказала не выбрасывать: они нужны для макета.

В декабре у них было на выставке шесть метров вдоль стены и ещё два между чужими стендами. Вера хотела поставить в этих двух метрах стол, за которым будут разбирать старую машину и объяснять, почему новая стоит дороже. Поставщики предлагали привезти свою презентацию, но на ней все детали вылетали из кофемашины, как спутники с орбиты, а публике от этого понятнее не становилось. Вера достала маркер, разложила стаканы и велела Саше представить, что вот это зрители, а вот эта коробка с чаем — стойка.

— Зрители у нас проходят сквозь стену, — сказала Саша.

Вера переставила два стакана.

— А сейчас?

— Сейчас их заваривают.

Саша забрала маркер и нарисовала на листе вход, поворот и место, куда можно убрать стол. Потом вспомнила Ирин чертёж и развернула условную стойку боком. Вера выложила четыре стакана, где должны были стоять люди. Стаканы поместились все. Ещё осталось место для тележки.

— Откуда ты так умеешь? — спросила она.

Саша рассказала про Иру и магазин. Вера попросила дать Ире её номер, если той интересно помочь с выставкой. Саша сказала, что сначала спросит. Вера кивнула. Потрогала пачку стаканов, будто проверяя, сколько осталось.

— Дело ещё вот в чём. Мы хотим с января больше продавать восстановленных. Пока к нам за ними приходят люди, которые уже всё понимают. Геннадий сам им рассказывает, почему одному нужна эта, а другому вообще ничего покупать не надо. На него четыре заявки висят одновременно. Я хочу, чтобы хоть половину ему не приходилось повторять.

— И поэтому Миша?

— И поэтому Миша. Я его попросила снимать. Про то, что говорить, ему сказала идти к тебе.

Саша посмотрела на Веру. У той между бровями была полоска от дужки очков. Она сняла очки и принялась тереть переносицу.

— Ты могла со мной поговорить, — сказала Саша.

— Могла.

Саша ждала продолжения. Вера вернула очки и открыла папку. Там лежало письмо от организаторов, расписание и распечатка с двумя фамилиями. Против Сашиной уже стояла пометка «съёмка весь день». Она провела пальцем по листу, нащупала дырку от скрепки.

— Вот я, допустим, весь день снимаю. Кто отвечает на вопросы на странице?

— Попроси Катю.

— Она будет на стенде.

Вера села на край витрины. Витрина под ней отъехала, и Саша успела придержать её за угол. Вера выругалась, встала и ногой нажала на тормоз колеса. Потом вписала в расписание своё имя в промежуток между десятью и двумя. Спросила, достаточно ли. Саша забрала лист, чтобы уточнить остальное у Кати.

Миша сидел в кабинете и резал скотч короткими полосками. Перед ним лежал перевёрнутый удлинитель. Полоски он клеил на корпус, подписывал ручкой, к чему ведёт каждый провод. Саша села, посмотрела. «Монитор», «зарядка», «Саша». Она наклонилась и увидела, что «Саша» написано у розетки, в которую ничего не включено.

— У меня есть розетка.

— Она за батареей.

Саша достала зарядку из ящика. Провод до удлинителя доставал ровно. Миша придержал его ногой, пока она проводила шнур вдоль стены. Потом спросил, можно ли ему завтра снять, как Геннадий разбирает машину из Гатчины.

— Спроси у него, — сказала Саша. — И если он скажет «не снимай», ты не снимай.

— Уже сказал.

Она повернулась. Миша отложил ручку и показал ей телефон. На экране была фотография, сделанная из дверей сервиса: Геннадий стоял рядом с машиной и показывал указательным пальцем на пол.

— А это?

— Он сказал: «Вот отсюда попробуй». Я проверял угол.

На снимке не было видно ни помятой боковины, ни надписи про левую группу. Машина выглядела почти новой. Саша спросила, есть ли такой угол, откуда всё видно. Миша встал, взял телефон и сказал, что они могут сходить посмотреть. Саша не сразу поняла, что он и правда

приглашает её посмотреть. Она поднялась и потащила за собой стул, пока не вспомнила, что всё ещё держит его за спинку.

6

К среде они выяснили, что каждый считает другого источником сквозняка. Саша закрывала дверь. Миша открывал форточку. Паша принёс удлинитель, и Миша добровольно отодвинул стол от окна, зато теперь у него был повод проходить вплотную к Саше всякий раз, когда он поливал свою ветку.

— Это вообще что? — спросила она на третий день.

— Ива. Укореняется.

— В ноябре?

— Дома срезал, когда было тепло. У меня окна на север. Здесь лучше.

Под водой виднелись две белые нитки. Саша переставила бутылку чуть правее, под свет. Миша сделал вид, что занят календарём.

Первую съёмку они назначили в маленькой кофейне у Финляндского вокзала. Тамошняя владелица Надя купила у них подержанную машину, а через неделю заливала на неё жалобу в общей группе. Оказалось, перепутала трубки при подключении фильтра. Теперь жалобу читали чаще, чем её пост об открытии. Саша предложила снять, как Геннадий учит Надю чистить группу и взбивать молоко. Вера сказала, пусть Надя в кадре поблагодарит компанию. Надя сказала, что с таким лицом никого благодарить не будет. У неё болел зуб.

Миша поставил штатив и договорился с Надей, что лицо вообще не понадобится. Она работала руками. Снимала рожок, стучала им по резиновой перекладине, засыпала новую порцию. Геннадий показывал ей, под каким углом держать кувшин, и долго не мог объяснить звук, на который надо ориентироваться.

— Как будто кот рвёт газету, — сказал Миша из-за камеры.

— Зачем коту газета? — спросила Надя.

— Чтобы вы наконец запомнили.

Надя рассмеялась, молоко выплеснулось ей на фартук. Миша опустил камеру. Саша попросила доснять, как Надя протирает стол и начинает заново.

Монтировали вдвоём. В монтаже Миша был молчалив и, если ему мешали, поднимал один палец, глядя в монитор. Саша чуть не сломала ему этот палец на шестой раз. На седьмой он снял наушники первым.

— Прости. Я слушал, где у неё дыхание. Что там?

— Она просила номер дома поставить. У них вход со двора.

Он добавил адрес. Саша посмотрела черновик и попросила убрать музыку из середины, чтобы остался свист пара. Они разошлись в девять. У выхода Миша протянул ей шоколадку.

— У меня ещё одна, — сказал он. — Ты обедала?

— Ты что, следишь?

— В обед ты стояла у двери и говорила курьеру, что тебя здесь нет.

Саша взяла шоколадку. У неё был сломан уголок. Миша, видимо, носил её в заднем кармане.

Через неделю Надя прислала снимок пустого кувшина. Утром к ней пришли две пассажирки с поезда и попросили «того самого кофе с котом». Геннадий посмотрел ролик, переслал дочери и потребовал убрать из описания слово «лайфхак».

Саша застала Мишу в кабинете за тем, как он наговаривал в телефон, почти шёпотом:

— Мама, да, подоконник широкий. Да, пока в воде. Нет, на улице я её уже не посажу.

Он заметил Сашу и показал ей, чтобы она подождала. Она сняла пальто, положила на стол два бутерброда в бумажном пакете и включила монитор. Когда он закончил разговор, бутерброды уже начали остывать.

— Это мне? — спросил он.

— Один. Второй я ем, пока меня здесь нет.

Ели над клавиатурами. Саше попалась горчица, она закашлялась и потянулась за водой. Миша молча протянул ей бутылку с ивой. Саша успела взять её за горлышко.

— Ну и сволочь, — выговорила она, смеясь и кашляя сразу.

Он подал ей стакан. С ним оказалось легко сидеть, если не помнить, что она обещала себе ни разу не поблагодарить Веру за эту затею.

7

Геннадий отмыл машину из Гатчины, а надпись про левую группу оставил. Сказал, что так ему удобнее с ней разговаривать. Когда Саша спустилась, он снял панель и разложил крепёж в крышках от банок. Одна крышка была с вишнями, вторая с малиной. Кофемашина без боковины походила на шкаф, из которого вытащили ящики. В глубине шли изогнутые трубки, на одной проступало зелёное пятно. Геннадий дал Саше фонарь и велел держать повыше.

Миша пришёл с камерой и двумя чашками. Поставил одну у локтя Геннадия, вторую отдал Саше. В чашке было пусто. Она посмотрела на него, потом перевернула её над ладонью. Оттуда выпал короткий ключ с зелёной головкой.

— Я нашёл, — сказал Миша.

Ключ был от шкафчика, в котором Саша хранила петличку. Она считала, что потеряла его в кофейне у Нади, и уже просила Пашу выбить дверцу. Миша нашёл его под сиденьем машины, в которой они ехали со съёмки. Саша сунула ключ в карман. Чашку оставила возле Геннадия. Тот налил в неё воду из бутылки, поставил на пол и опустил туда шланг.

Машина щёлкнула. По шлангу пошли пузырьки. Геннадий повернул кран, подождал и выключил питание. Саша не успела спросить, что он проверял, когда Миша сказал из-за её плеча:

— А теперь ещё раз, только руки медленнее.

Геннадий выпрямился. Снял очки и, пока складывал дужки, спросил, зачем ему двигать руки медленнее. Миша сказал, что потом при монтаже можно будет срезать задержку, а пока ему надо показать, что Геннадий трогает. Геннадий положил очки на стол.

— Я второй раз её включать не буду. Ты заметил, что вода не пошла?

Миша опустил камеру. Саша видела в чашке прозрачную воду, из которой изредка выходил пузырёк. Пахло горячей резиной. Геннадий повторил, что включать не будет, и попросил их выйти.

В коридоре Миша выключил камеру, убрал её в сумку и прислонился к стене. Саша уже собралась сказать ему, что он же обещал слушать Геннадия. Потом вспомнила, сколько раз за утро сама попросила мастера сдвинуть кружку, чтобы не загораживал механизм.

— Мы можем зайти после обеда, — сказала она. — Пока он ничего не включает, снимем, как оно внутри выглядит.

Миша поднял на неё глаза.

— Что там могло сгореть?

— Не знаю. Он, может, это и проверял.

Из сервиса донёсся стук. Геннадий открыл дверь, выставил наружу чашку и исчез. Вода помутнела. Саша понюхала. Ничем, кроме железа, не пахло. Миша взял чашку за ручку.

— Что ты делаешь?

— Помою.

После обеда Геннадий вышел к ним сам. Принёс на тряпке кусок шланга, который с виду ничем не отличался от нового. Попросил взять с двух концов и потянуть. Шланг треснул посередине. Миша едва удержал свой конец. Геннадий выбросил тряпку и объяснил, что от старости материал дубеет. Вчера в машине нашли налёт, сегодня поставили шланг, который выглядел прилично, а он оказался такой же. Новый достанут из запаса. Вот когда поменяют, можно будет снять, как включают. Если очень надо, он повторит.

— Нам ещё нужно, чтобы ты рассказал, кому такую машину можно купить, — сказала Саша.

— Никому пока.

— Когда сделаете.

— Кто трубки вовремя менять будет, тот и купит.

Миша положил оба обломка на стол, рядом, как части сломанной спички. Геннадий посмотрел на них сверху. Взял один, согнул и предложил снять так. Миша не сразу пошёл за камерой. Спросил, как держать. Геннадий протянул ему шланг и показал, куда ставить большой палец. Саша достала из шкафа чёрный лист, подложила под руку. Они сняли четыре секунды, посмотрели на экране, пересняли. Геннадий всё время пытался спрятать палец с раздвоенным ногтем. Когда стало ясно, что пальца крупно не избежать, попросил хотя бы убрать с него черноту. Миша протянул ему салфетку.

Только вечером Саша вспомнила, что Вера просила дать Ире её телефон. Позвонила и застала Иру на табурете: та вешала над кухонным столом узкую полку. По звуку было слышно, как сверло дважды проходит мимо метки. Ира сказала подождать. Саша подождала, потом услышала, как на стол падает шуруп.

— Ты там одна?

— С кошкой. Кошка не подаёт шурупы. Ты зачем звонишь?

Саша рассказала про выставку. Ира спросила, сколько платят, и Саша призналась, что не знает.

— Когда узнаешь, перезвони. Мне опять сказали, что за перестановку я получу опыт. У меня дома уже опыта столько, что полку надо вешать.

Саша сходила к Вере. Та долго искала нужный лист, дважды назвала сумму с налогом вместо суммы на руки и наконец спросила, не проще ли им поговорить напрямую. Саша сказала, что проще, если Ира согласится. Вернулась в кабинет, позвонила подруге, назвала сумму. Из трубки донёсся звук падающего табурета.

— Это да или нет? — спросила Саша.

— Это я его убрала, чтобы записать номер.

Миша уже собирался домой. Он перекинул рюкзак на одно плечо, надел куртку, затем вдруг вернулся к столу и достал из верхнего ящика обломок шланга. Саша спросила, зачем он его забирает.

— Хочу снять, как он ломается совсем близко. Дома стекло есть, могу положить на него.

— Ты собираешься работать вечером?

— Я вечером иду за картошкой. Шланг пойдёт со мной.

Он сунул обломок во внешний карман, оставив наружу короткий хвост. Саша хотела поправить, чтобы не потерял, и вовремя отдёрнула руку. Миша заметил движение. Вытащил шланг, показал ей и переложил внутрь.

— До завтра, — сказал он.

Саша ещё двадцать минут просидела за компьютером. В рабочем чате от Миши пришла фотография полки с картошкой. Среди сеток лежал обломок шланга, и под ним было написано: «Обе группы работают». Саша сохранила фото. Подумала, зачем, и закрыла чат.

8

На второй неделе Саша с Мишей возвращались со съёмки на трамвае. Геннадий уехал раньше, а они задержались, потому что в кофейне надо было дождаться человека, который пообещал закрыть окно со двора. Окно закрыл курьер. Он запрыгнул на подоконник снаружи, придержал раму, помахал им и ушёл с пустым коробом за спиной. Пока Саша сматывала провод, Миша успел снять, как на стекле после курьера остаётся след от ладони. Саша сказала, что этот кадр в ролик не влезет. Миша ответил, что ролик уже кончился.

Трамвай ехал медленно. У передней двери стоял мужчина с футляром от виолончели. На повороте футляр чуть не лёг на стекло. Миша подставил ладонь, мужчина перехватил ремень и благодарно кивнул. Саша стояла рядом, держала штатив между ног и слушала, как у них под полом проходит рельс. В одном месте вагон качнулся так, что внутри футляра что-то глухо отозвалось. Мужчина прижал футляр к себе, потом сам рассмеялся. Миша спросил, это правда виолончель. Мужчина ответил, что там книги, просто в футляре их везти удобнее. Попросил Мишу не выдавать, если встретят кого-нибудь из оркестра.

Они вышли на одной остановке. Мужчина ушёл в сторону школы, Саша с Мишей остались у киоска. Из киоска пахло горячей выпечкой. Саша хотела купить себе чай, Миша сказал, что пойдёт искать батарейки. Потом оба увидели, что киоск закрыт, а запах идёт от женщины у остановки. У неё в руках был поднос, накрытый полотенцем. Она кому-то звонила и говорила, что всё довезёт, если перестанут каждые две минуты спрашивать. Саша предложила Мише пойти через двор: там магазин и, если за ними ещё не закроют, можно выпить чай на месте.

В магазине стоял высокий стол без стульев. Саша поставила к стене штатив, Миша положил рядом рюкзак. Им налили чай в одинаковые стаканы. Саша попросила сахар, продавец поставил пачку, из которой осталось два пакетика. Один Саша отдала Мише. Он вскрыл, высыпал половину в чай, потом посмотрел на то, что осталось, и досыпал. Саша спросила, зачем он вообще делает вид, что пьёт с половиной. Миша сказал, что дома пьёт без сахара. Сладкий чай у него получается только там, где сахар не нужно искать самому.

Саша открыла на телефоне кадр с окошком кофейни. Она всё-таки попросила Мишу прислать его. У края ладони виднелась полоска света от холодильника, в отражении можно было разглядеть переулок. Саша спросила, почему он вообще это снял. Миша выпил чай. Поставил стакан, поднял снова, будто забыл, что уже допил.

— Я про окно подумал, что его утром изнутри откроют, — сказал он. — Не увидят, кто вечером закрыл.

— А надо увидеть?

— Не обязательно.

Саша увеличила след. Вышло пять пятен, из них можно было собрать ладонь, если знать, что ищешь. Она подумала, что для страницы «Второй чашки» ей пришлось бы написать, как выключать подсветку или зачем мыть стекло. Здесь можно было не писать ничего. Саша сохранила снимок. Потом сказала Мише, что у неё на балконе каждое утро садится ворона и стучит клювом в боковую раму. Снимать бесполезно, ворона уходит, если подойти к двери. Миша предложил поставить телефон заранее. Саша сказала, что тогда получит сорок минут пустого балкона и две секунды вороны. Миша кивнул.

— Вот. А если она не сядет, будет сорок минут балкона.

— Ты всегда так удачно оправдываешься?

— Я вообще-то пытаюсь тебя уговорить снять ворону.

Саша засмеялась. Продавец у кассы посмотрел на них, будто они всё ещё ждали батареек. Миша спросил, где батарейки. Продавец показал на лоток рядом с хлебом. Миша взял одну упаковку, потом вторую. Саша не стала спрашивать, зачем две. У двери он отдал одну ей. Её

мышь утром разрядилась, и она трясла её над столом, пока он не протянул свою. Саша хотела сказать, что это он зря, у неё дома есть запас. Потом вспомнила, что запас как раз в мыши. Положила батарейки в карман и понесла штатив сама. До её остановки оставалось три двора. Миша пошёл рядом, хотя магазин был на другой стороне от его дома.

9

Первый снег в тот год выпал в обед и растаял, пока они искали зарядку для камеры. Под вечер снег пошёл опять, и Саша увидела Мишу у открытой двери, с перчатками в руке. Она решила, что он собирается домой, и кивнула на прощание.

— У меня два билета, — сказал он. — В «Авроре» показывают старый детектив. Я могу скинуть название, если тебе нужно сперва убедиться, что там никто не поёт.

Саша однажды рассказывала при нём, как Артём вывел её на мюзикл, предупредив только о длительности. Она тогда уснула на его плече. Артём разбудил её, чтобы спросить, нормально ли так спать при людях.

— Почему два?

— Потому что я хочу пойти с тобой.

Он не тронулся с места. Саша выключила монитор, включила его обратно, чтобы закрыть рабочий чат, и только потом согласилась. По дороге она позвонила Ире.

— Я сегодня не приеду за семенами.

— Они уже взошли.

— Значит, тем более.

В фойе кинотеатра из гардероба пахло мокрой шерстью. Перед ними сдавал пальто мужчина, который никак не мог сообразить, куда деть цветы. Миша помог ему вывернуть рукав, в котором застрял шарф. Саша стояла с билетами и ждала. На свиданиях она обычно замечала, как мужчина ведёт себя с официантами, детьми и стариками. Это было похоже на работу тайным покупателем. Сейчас ей хотелось просто взять Мишу за руку, и она сердилась, что рука занята чужим шарфом.

В зале они сидели у прохода. На экране женщина в синем плаще села в такси и назвала адрес убитого. Миша наклонился к Саше.

— Она сейчас поедет в другую сторону.

— Откуда ты знаешь?

— Машина встала носом к Неве.

Саша пообещала ударить его, если он испортит ей фильм. Через полчаса она сама наклонилась и прошептала, что у полицейского в пепельнице женская серьга. На выходе они остановились под козырьком, чтобы договорить про серьгу, и пропустили зелёный. Потом пропустили ещё один, потому что спорили о конце.

— У тебя всегда так? — спросил Миша.

— Что?

— Когда нравится, ищешь, где подвох.

Саша успела вскинуться, прежде чем поняла, что он имеет в виду фильм.

— Всегда. Мне так ещё больше нравится.

Они пошли к воде. Снег здесь таял на граните, на рукавах задерживался чуть дольше. Миша рассказал, что до «Второй чашки» снимал объявления о продаже квартир. Самая трудная квартира была на первом этаже, с окнами на стену и с ванной в кухне. Хозяин просил, чтобы по видео казалось, будто ванная отдельная. Миша уложил поперёк неё доску, снял сверху чашки и подписал «обеденная зона».

— И продали?

— Продали. Меня потом попросили снять что-нибудь с камином в квартире без камина. Я ушёл.

Саша рассказала, как после института вела страницу магазина штор и однажды по ошибке ответила недовольной покупательнице с личной страницы. От покупательницы до сих пор приходили поздравления с Восьмым марта. Они дошли до светофора, за которым начинался её

путь домой. Миша спросил, можно ли её поцеловать. Она запомнила это мгновение отдельно от самого поцелуя. Ей уже было холодно, у машины в правом ряду ритмично щёлкал поворотник, и Миша ждал, слегка повернув голову, чтобы слышать ответ.

Дома Саша сняла только один ботинок. Второй остался на ноге, пока она говорила с Ирой.

— Я влюбилась, — сказала она. — По-моему, по уши.

— Господи. Тот с шоколадкой?

— У человека есть имя.

— У меня от него вайб очередного мудака.

— Ты его никогда не видела.

— Ты мне двадцать минут рассказывала, как он монтирует звук парового крана. С тобой явно что-то случилось.

Саша села прямо на пол. Из кухни тянуло холодом. Она чувствовала губами то место у Миши на подбородке, где он утром пропустил полоску щетины.

— Этот точно последний, — сказала она.

Ира помолчала.

— Ты хотя бы ботинки сними, пока решаешь вопросы на всю жизнь.

Саша посмотрела на ногу. Выходило, что даже на расстоянии Ира знает её лучше, чем кому-либо следовало.

10

Через два дня после свидания Костя написал Саше, что разбирает старый телефон. Спросил, не нужны ли ей фотографии, которые там остались. Он прислал четыре подряд. На первой она стояла у чайника в гостиничном номере, босая и в чужом халате. На второй был пирс, на третьей мокрая собака. На четвёртой Саша сидела в электричке и спала, уронив голову на стекло. Костя подписал: «Вот эту жалко удалять».

Саша открыла четвёртую. Снимок оказался сделан в тот день, когда они ехали к его матери. Она тогда везла пирог в большой коробке и всю дорогу боялась помять. На фотографии коробки не было видно. Костя забрал её у Саши, когда та начала засыпать, и поставил себе на колени. Саша запомнила, что, когда проснулась, он придерживал её голову ладонью. Не помнила, что сначала он успел сфотографировать.

Она написала: «Пришли с собакой в хорошем качестве». Костя переслал. Потом спросил, где она работает теперь. Саша ответила, что там же, и убрала телефон. Он написал снова минут через десять: «Ты на меня всё ещё злишься?» Она прочла в уведомлении. Хотелось ответить, что нет, потому что ответ «да» будто оставлял ей на него время. Саша не написала ни того ни другого. Сохранила собаку и удалила четыре фотографии из открытой папки, куда телефон складывал всё подряд.

К обеду она спустилась в сервис за камерой. Миша сидел за столом Геннадия, подписывал четыре крышки от банок, чтобы на съёмке не перепутать винты. Саша подошла, наклонилась посмотреть. На одной было написано «короткие», на второй «длинные», на третьей «не отсюда». Четвёртая оставалась чистой.

— Куда писать «остальное»? — спросил Миша.

— В блокнот.

Он положил маркер, посмотрел на неё. На работе они здоровались, обсуждали, куда отнести штатив, и один раз столкнулись у двери в зал. В тот раз Миша отступил и подождал, пока она пройдёт. Саше тогда показалось, что целоваться на улице было проще, чем теперь оказаться рядом там, где они видятся каждый день. Сейчас Миша снял крышку с маркера и тихо спросил, не хочется ли ей ещё куда-нибудь пойти. Саша ответила, что хочется. Он улыбнулся. Маркер остался у него в руке без колпачка.

Они договорились на пятницу. Миша спросил, куда, Саша предложила булочную возле метро. Там можно сидеть у окна, если прийти до восьми. Миша записал. Она смотрела, как он ставит цифру восемь, и вдруг захотела сказать ему, что Костя сегодня прислал фотографию. Объяснить, что ей не всё равно, что в тот момент она была счастлива, а потом всё равно пришлось звонить чужой девушке. Пока придумывала, с чего начать, Миша закончил запись и поднял голову. На его столе валялись колпачок, пустая крышка и ключ с зелёной головкой. Саша забрала колпачок и закрыла маркер.

— Я хочу с тобой в пятницу, — сказала она.

— Я понял, — ответил он.

Ей было важно, что он услышал именно это. Она отдала маркер. Потом спросила, почему он вообще пошёл на старый фильм, если там были места в первом ряду и экран приходилось смотреть снизу. Миша признался, что купил билеты на пятницу, а в тот день перепутал дату и пришлось менять. Саша засмеялась. Он показал в телефоне старые билеты. На них действительно стояла пятница. Кинотеатр успел их погасить, поверх названия шла серая полоска.

— Вот это теперь можно удалить, — сказала Саша.

Миша нажал. Спросил, куда убрать четвёртую крышку. Саша взяла крышку и положила поверх трёх остальных. Когда Миша отвернулся, она всё же показала ему фотографию собаки. Он спросил, почему собака мокрая. Саша объяснила, что та вылезла из воды, три раза отрях-

нулась и только потом согласилась подойти ближе. Миша посмотрел ещё раз. Сказал, что по снимку ему кажется, будто собака собралась прыгать обратно. Саша посмотрела его глазами. У собаки передние лапы и правда уже развернулись к воде. Она раньше этого не замечала.

11

Второе свидание они назначили на пятницу, и в пятницу Миша не пришёл. Саша вышла из метро, обошла булочную, в которой они договорились встретиться, заглянула в оба окна. Потом купила булку с корицей и встала под навесом. Булку она съела с края, облизала пальцы, убрала бумагу в карман. Через двадцать минут Миша по-прежнему не отвечал.

Ей случалось ждать Костю дольше. Тот объявлялся, когда она уже начинала волноваться, и рассказывал всё по порядку, с названиями улиц. Саша верила каждому названию, потому что человек, который врёт, в её представлении должен был путаться. Костя однажды перепутал её день рождения, зато мог с первого раза назвать гостиницу, где якобы снимал банкет.

Саша достала телефон и написала Мише: «Я подожду до восьми». Это было честнее, чем фраза, которую она начала печатать первой: «Я всё поняла».

В восемь она спустилась в метро. Успела проехать одну остановку, когда позвонил Миша. Говорил быстро, на заднем плане кто-то металлическим голосом перечислял номера. Оказалось, Сева врезался на машине в ограждение. Сам цел, только руку разбил. Миша отвёз его в больницу, а потом бегал между охраной и гардеробом в поисках ключей, которые Сева потерял, пока ему перевязывали руку. Телефон всё это время заряжался в машине.

— Он уже дома? — спросила Саша.

— Сидит рядом. Скажи ей, где ключи были.

— В рукаве, — отозвался Сева. — Я виноват.

Саша прижала телефон к уху. Так и ждала, что они начнут по очереди рассказывать, сколько раз пробовали до неё дозвониться и почему не виноваты. Миша только спросил, где она. Она назвала станцию. Он сказал, что может быть там через полчаса.

— Я поеду домой, — сказала Саша. — Замёрзла.

Миша помолчал.

— Ты сильно разозлилась?

— Сильно. Потом испугалась. Потом опять разозлилась.

— Прости. Я увидел, сколько времени, уже когда ключи нашлись.

— Завтра можешь купить мне булку, — сказала Саша. — Сегодня я сама себе купила.

На следующий день он приехал утром. В пакете была булка и две ватрушки, потому что у прилавка он вдруг засомневался, что она любит корицу. Саша открыла окно, чтобы поставить молоко на внешний подоконник. В холодильнике у неё неделю назад отвалилась дверца морозилки. Миша подержал её в руках, посмотрел на сломанную петлю и сказал, что сможет починить, если найдётся кусочек проволоки.

— Почини после завтрака, — сказала Саша.

Он положил дверцу на стол. На ней был напечатан старый рисунок: курица и три снежинки. Саша с детства знала, что значат эти снежинки, и впервые задумалась, что значит курица. Миша сказал, что это она замёрзла и теперь придёт за тем, кто забыл закрыть холодильник. Саша сделала два кофе. Он отодвинул дверцу, чтобы поставить чашки, и, пока она разрезала булку, рассказал про Севу, с которым они знакомы с восьмого класса. Сева в восьмом классе был выше всех, даже учительницы физкультуры, и на каждом уроке падал через козла. Саша спросила, как можно, будучи выше всех, падать через козла. Миша встал, чтобы показать. Для показа ему понадобился стул, и Саша удержала его за свитер, пока он не вздумал разогнаться.

Дверцу он починил ближе к вечеру. Проволока нашлась в пакете для хлеба. Саша держала пластик, пока он выгибал петлю. Потом Миша открыл морозилку и отпустил дверцу. Та закрылась сама, как будто так умела всегда. Он повторил ещё два раза, довольный. Саша

смотрела на его руку и никак не могла вспомнить, с какой именно улицы вчера собиралась написать ему «я всё поняла».

12

По средам Геннадий уходил раньше всех. Он возил внучку на сольфеджио. Паша говорил «возил на скрипку», чтобы короче. Геннадий всякий раз поправлял его, хотя однажды сам сказал «повёз на скрипку», когда опаздывал. В ту среду он оставил на кофемашине из Гатчины две красные полоски изоленты и предупредил, что трогать можно только то, что между ними. Между полосками была ручка поддона.

Вера хотела увидеть черновик до пятницы. У Саши пока были кадры с раскрытым корпусом, шланг и восемь секунд, в течение которых Геннадий молча пересыпал винты из крышки с малиной в крышку с вишней. Миша предложил начать с надписи «ЛЕВАЯ НЕ РАБ.» и снять на её месте, как обе группы льют воду в поддон.

— Они ещё не льют, — сказала Саша.

— Лить будут завтра. Сегодня нужно понять, как поставить свет.

Они взяли штатив, лампу и пошли в сервис. Там было тесно даже без штатива. Миша разложил ножки и выяснил, что одна из них стоит на канистре с водой. Саша переставила канистру. Под ней обнаружился слой спрессованной кофейной гущи. Она достала с полки совок, наклонилась. Миша наступил ей на пятку и чуть не упал.

— Снимай отсюда, — сказала она, когда они оба выпрямились. — Тогда будет видно, что боковина мятая.

— Я хочу, чтобы после ремонта она в кадре казалась ровнее. Пока из Гатчины везли, помяли ещё сильнее.

— И при чём тут ремонт?

Он не ответил. Отодвинул лампу, посмотрел на тёмную полосу, которая легла по вмятине. Перевёл камеру ниже. Теперь на экране отражалась Саша, и ей пришлось отойти, чтобы не было видно её носа. Миша подвёл камеру ближе, снял крупно край и попросил её посмотреть. В кадре вмятина была похожа на вмятину. Она даже узнала треугольную царапину, которую видела во вторник с другой стороны. Миша отвёл камеру и показал, как мало эта царапина меняет, если стоять перед машиной.

— Вот если так поставить два кадра, — сказала Саша, — тогда да. Чтобы было видно, что именно выправили.

Он посмотрел на неё. У неё к подошве пристала кофейная гуща. Пока он искал слова, Саша соскребла её о край поддона.

— Я её трогать не должна была, — сказала она.

— Это между полосками.

В сервисе погас свет. Окно выходило во двор, там висел жёлтый фонарь, но до их угла доходил только край света. Саша увидела Мишину руку возле штатива. Миша сказал, что, наверное, Паша отключил весь ряд, чтобы поменять автомат. Достал телефон и включил фонарик. Потом положил его экраном вниз на полку. Стало видно две катушки скотча и немного его щеки.

— Ты сегодня домой едешь? — спросил он.

— Да.

— Я тоже.

Саша засмеялась. Он протянул руку, нашёл её запястье и остановился. В коридоре хлопнула дверь. Саша подумала, что Паша сейчас войдёт, увидит их с фонарём возле выключенной машины и посоветует подождать до пятницы. Паша не вошёл. Она подняла голову и поцеловала Мишу. Он сдвинул лампу локтем. Та медленно накренилась, он дёрнулся её поймать, и Саша оказалась прижата к холодной боковине.

— Миша, — прошептала она.

— У тебя рукав зацепился.

Она посмотрела. Рукав действительно зацепился за поддон. Миша освободил нитку, провёл по ней пальцем и дал ей отойти. Саша поправила кофту. Не хотела, чтобы он убирал руку. Сама взяла его за неё. Они постояли так ещё немного, пока в коридоре не зажёгся свет.

Паша всё-таки пришёл. Заглянул и сказал, что в холодильнике пропадает суп, который кто-то принёс на обед. Миша ответил, что суп его. Паша посмотрел на часы и пожелал ему приятного вечера.

Саша взяла под мышку сложенный штатив. Он был тяжёлый и всё время разъезжался, поэтому в кабинете пришлось опустить его на пол и застегнуть липучку. Пока она возилась, Миша принёс из холодильника банку с супом. Спросил, поедет ли она с ним до его станции. Саша ответила, что до его станции ей три лишних остановки. Он сказал, что и ему до её станции три лишних.

— Две, — поправила она.

— Вот. Мне даже выгоднее.

В метро было много людей. Они встали друг напротив друга у двери, каждый держался за свой поручень. Саша видела, как в стекле между ними накладываются отражения пассажиров. На первой остановке вошла женщина с букетом хризантем. Букет оказался между Сашей и Мишей. На второй женщина вышла. На третьей Миша приподнял банку с супом, чтобы пропустить ребёнка, и банка тяжело стукнулась о поручень.

— Там курица? — спросила Саша.

— Горошек.

— Варёный?

— Уже да.

Она предложила зайти к ней и разогреть суп. Он кивнул и опустил банку. До конца поездки им снова нечего было сказать. Саша увидела в стекле, что улыбается, и перестала проверять своё лицо.

У неё дома оказалось только две глубокие тарелки, и одна стояла в раковине. Миша вымыл её, пока Саша искала маленькую кастрюлю. Супа хватило на обоих, если положить в него сухарики. Они ели у открытого окна. Снизу хлопала дверь подъезда. Миша спросил, почему у неё нет стола на кухне. Саша сказала, что стол есть, только в комнате. В кухне он мешал бы открыть холодильник, а в комнате она могла есть, не убирая ноутбук. Миша оглядел подоконник, на котором они поставили тарелки, и спросил, можно ли сюда приходить со своим супом ещё. Саша сказала, что можно. Потом поинтересовалась, всегда ли он варит на двоих. Он почесал бровь и признался, что сегодня варил на троих. Одну банку отнёс Севе. Сева позвонил и сказал, что теперь к супу необходим хлеб.

— Ты ему отнёс хлеб?

— Сказал, что у него целая рука осталась.

Саша пододвинула ему сухарики. Они были из чёрного хлеба, с чесноком. Он высыпал себе всё, потом заметил, что она ещё не взяла, и отдал половину из своей тарелки. Саша не возражала. Сухарики в его тарелке успели как раз немного размокнуть, так что ей не пришлось больше ничего доказывать собственным зубам.

13

Ира приехала во «Вторую чашку» в субботу, когда офис был закрыт, а на складе дежурил Паша. Он ходил вдоль стеллажей с бумажной кружкой и слышал их приближение заранее, потому что у Иры из сумки торчала рулетка и постукивала по пряжке. Саша открыла зал запасным ключом. Паша сказал, что в зале холодно, а где включается отопление, он не знает. Ира сняла варежки и подержала руки над его кружкой. Паша дал ей отпить.

Вера просила сделать пробную разметку для стенда. На полу зала Ира отмерила шесть метров, наклеила полоску скотча и спросила, где точка подключения. Саша показала на план. Точка стояла у стены. Ира попросила найти хотя бы один кабель такой длины, чтобы дотянуться до машины, а ещё объяснить, почему на рисунке рядом с машиной не отмечен слив. Саша сказала, что про слив будут знать монтажники. Ира ничего не ответила. Через десять минут она ещё раз спросила, куда пойдёт шланг. Паша принёс ведро и поставил рядом с коробкой, изображавшей машину. Ира отодвинула коробку от стены на полметра. Теперь шесть зрителей не помещались.

Она переставляла коробки, а Саша записывала размеры. Паша зашёл внутрь контура, споткнулся о ведро, вышел обратно и сказал, что у них есть складной стол короче того, который на плане. Ира попросила принести. Стол нашёлся под лестницей. Он был узкий, с одной ножкой, на которую не надевалась резиновая заглушка. Ира подклеила заглушку тем же скотчем, что использовала для разметки. Паша сказал, что теперь стол можно продавать в три раза дороже. Ира спросила, кто у них занимается ценообразованием. Паша ответил, что сегодня он.

Внутри готового контура она поставила Сашу на место человека, который пришёл посмотреть на машину. Пашу заставила стоять там, где мастер открывает корпус. Сама взяла телефон, включила камеру и прошла между ними. В кадре вышли три секунды, на которых Саше видно всё, а Паше нельзя повернуться. Ира отодвинула стол ещё на ладонь. Повторили. Во второй раз Саша чуть не наступила Ире на ногу. На третий всё получилось, и Ира отправила ролик Вере вместе с планом.

— Ты бы могла у меня это снимать, — сказала Саша.

— Могла бы. Если бы мне нравилось, что я десять раз говорю «уберите ведро» и вы десять раз его ставите обратно.

Они сложили коробки и пошли в кабинет. Ира села за пустой стол. Саша ждала, пока заведётся чайник, и смотрела, как Ира вертит бутылку с ивой, рассматривает белые корешки. Потом Ира прочла полоски скотча на удлинителе и вскинула брови.

— Вот тут у меня раньше розетка была, — сказала Саша.

— А теперь у тебя имя.

Саша пошла за чаем. На шкафу стояла пачка шоколадок, которую они держали на съёмки. Она разломила одну на две части и положила к чашкам. Ира ела шоколад перед чаем. Саша всегда ждала, пока он растает во рту, и только тогда пила. Пока Ира жевала, можно было сделать вид, что больше не о чем разговаривать. Потом Ира отпила и сказала:

— Ну и что у вас с ним?

— Он в среду принёс суп.

— Рабочая информация.

— Вчера после работы я была у него.

— Он тебя покормил?

Саша кивнула. Миша приготовил рыбу и минут двадцать возился с мелкими костями. Она сидела рядом и спрашивала, можно ли попробовать, пока он не положил ей самый ровный кусок. Потом он выловил кость из своего и показал ей, как далеко она ушла от хребта. Они выключили свет на кухне и долго мыли посуду впотьмах, потому что лампа над плитой уже

перегорела, а потолочную никто не хотел включать. Когда наконец сели рядом на его диване, Саша ещё чувствовала на руках лимон, которым Миша дал ей оттереть запах рыбы.

— Всё хорошо, — сказала она.

— Так я и спрашиваю, что.

Саша посмотрела на Мишин стол. Под блокнотом лежала чистая салфетка, которую он берёг для объектива. Ей захотелось взять её, и она тут же представила, как Миша в понедельник ищет салфетку по всему кабинету, пока она лежит у Саши в кармане. Стало смешно. Потом стыдно, хотя она ничего ещё не сделала.

— Просто я не знаю, как рассказывать, пока хорошо, — сказала она. — Потом я умею.

Ира отставила чашку. Спросила, помнит ли Саша, как они на втором курсе собирались на море. Саша помнила только, что не поехали. Ира напомнила, как они в институте на обороте конспекта рисовали пляж и по минутам распределяли, кто идёт за персиками. До моря было полгода. Вместо моря Ира потом ездила в деревню к бабушке, а Саша работала на летней распродаже и покупала персики по одному. Конспект всё равно лежал у Иры до прошлого года.

— Ты умела, — сказала она. — Нарисуй ему пляж.

— В ноябре.

— С календарём у тебя всегда были проблемы.

Когда они вымыли кружки и заперли кабинет, Саша достала телефон. Миша написал, что отложил ей рыбу в контейнер и может принести вечером. Саша сфотографировала пол зала, на котором от их примерки осталась короткая полоска скотча. В телефоне она провела от полоски две линии. Получилась лодка с одним кривым веслом. Написала: «Поехали за рыбой, раз у тебя опять лишняя». Миша ответил, что придёт со своим веслом. Саша показала переписку Ире. Та сперва не поняла, где на фото лодка. Потом увидела и сказала, что до моря они на такой успеют только к пенсии. Саша удалила две линии, нарисовала второе весло и отправила Мише ещё раз.

14

На работе они три недели изображали приличных коллег. Саша приходила первой, Миша здоровался со всеми одинаково, у обеда был служебный повод. Паша раскусил их, когда они одновременно полезли в один рюкзак за зарядкой. Сначала он ничего не сказал, только отдал Мише коробку с объективом и попросил, чтобы вечером они не забыли забрать домой иву. Слово «домой» он произнёс с таким нажимом, что в соседнем кабинете засмеялись.

На выставке Вера поселила Сашу с менеджером Катей, а Мишу с Геннадием. Они впервые увиделись наедине в шесть утра возле ледяного павильона, куда не приехал монтажник. Геннадий стоял на складном стуле и велел подать ему пластиковые стяжки. Миша светил фонариком, Саша резала стяжки канцелярским ножом. На пальце у неё разошлась старая трещинка. Миша нашёл пластырь, намотал косо и поцеловал её в висок. Геннадий сверху сказал, что им надо бы выбрать время для личной жизни, потому что павильон откроют через сорок минут.

Первый раз восстановленную машину включили на выставке ещё до того, как пустили посетителей. Геннадий стоял на коленях и смотрел под стол. Паша светил ему телефоном. Свет всё время уходил в сторону, потому что Паше присылали сообщения и он поворачивал экран к себе.

— Убери своё начальство, — сказал Геннадий снизу.

— Это дочь.

— Тогда пусть тоже посветит.

Паша переключил телефон в режим полёта. Геннадий затянул соединение, вытер руки и поднялся. Попросил налить в прозрачный бак ещё воды. Саша принесла бутылку. Пока наливала, видела в пластике отражение стенда напротив. Там над человеком в костюме летали анимированные детали кофемашины. Человек поднимал ладонь, и компьютерная пружина останавливалась возле его локтя. Издали казалось, что он никак не может её поймать.

Миша подошёл сбоку, показал ей карту памяти и спросил, будет ли она подписывать исходники по дням или по машинам. Саша сказала, что по дням. Миша кивнул. Ничего не добавил про её руку. Под пластырем щипало, край уже отошёл. Она не стала поправлять. Только взяла бутылку так, чтобы ему не было видно пальца.

Машина набрала воду, нагрелась. Геннадий пролил обе группы и сказал, что всё. Вера заглянула через его плечо. На стойке лежали карточки с ценой, в двух местах на них был исправлен последний ноль. Вера взяла верхнюю, перевернула.

— Она точно выдержит, если шесть раз подряд? — спросила она.

— Она в столовой шесть лет держалась.

— В столовой никто на неё не смотрел.

— Вот и ты отойди.

Вера отошла. Не дальше, чем на ширину коробки. До открытия оставалось двадцать минут. Она достала телефон, направила камеру на стойку, сказала, что хочет отослать фотографию организаторам. На фотографии вмятина была особенно заметна: вдоль неё шёл белый свет соседнего экрана. Саша увидела, что Вера чуть повернула телефон, и вмятина исчезла. В кадр вошёл человек со своей пружиной. Вера опустила руку.

— Я потом, когда его выключат, — сказала она.

В десять к их стенду подошёл мужчина с девочкой. Девочка держала свернутый плакат и сказала, что с кофе они всё равно ничего не купят, потому что папа открывает прачечную. Папа поправил её: автомойку. Девочка задумалась. Саша спросила, куда они ходят за кофе сейчас. Мужчина показал рукой через проход, где у окна продавали маленькие стаканы по триста рублей. Потом наклонился к карточке с ценой и спросил, почему у машины цена ниже, чем у соседней такой же.

— Она не такая же, — сказал Геннадий.

Мужчина выпрямился. Саша знала, что обычно Геннадий после этой фразы ждёт следующего вопроса. Миша стоял у стойки с камерой. Он тоже ждал. Девочка положила свёрнутый плакат на край стола, придержала ладонью и спросила:

— Эта бита?

— С одной стороны, — ответил Геннадий. — Сейчас покажу.

Он выдвинул машину чуть вперёд, показал вмятину, попросил девочку провести по ней ладонью, чтобы она поняла, где мягкий переход. Девочка провела. Мужчина нагнулся ближе. Миша поднял камеру до уровня груди и сначала повернул её к девочке, потом к отцу. Тот прищурился. Миша пальцем показал на камеру и вопросительно поднял брови. Мужчина кивнул. Девочка свернула плакат туже и переставила его под другой локоть.

— А что внутри? — спросил мужчина.

— Сейчас уже всё в порядке, — ответил Геннадий. — У тебя в комнате какая вода?

Мужчина переспросил, при чём здесь вода. Через пятнадцать минут у него в телефоне была записана модель фильтра, который следовало сначала найти на автомойке, а на рукаве девочки осталось по кофейному пятну от каждого стакана, который она пыталась поставить поближе к машине. Покупать они ушли с пустыми руками. Девочка забрала плакат и сказала, что если папа всё-таки купит, то будет брать кофе себе, а ей шоколад. Геннадий кивнул, будто это было оговорено с самого начала.

Саша проводила их взглядом. На выставке столько людей шло в одну сторону, что отец и дочь скоро потерялись. Миша проверил запись и позвал её посмотреть. В начале у девочки за спиной всплывала компьютерная пружина, а она сама уже трогала вмятину. Звук был почти чистым. Саша услышала, как отец на вопрос про воду отвечает: «Из крана. А какую ещё?» У Геннадия за это время не дрогнуло лицо. Она рассмеялась, потом попросила вернуть к моменту, когда мужчина кивнул.

— Он кивнул, — сказал Миша.

— За себя.

Миша прокрутил начало. Камера висела низко, девочка большей частью стояла спиной. В одном кадре она поднимала лицо, чтобы посмотреть на отца.

— Можно оставить руки, — сказал он.

— Давай.

Он убрал карту в коробочку. Спросил, будет ли этот кусок только у них на странице или ему можно потом забрать себе для портфолио. Саша подумала, что Вера скажет сначала отдать ей посмотреть. Потом спросила, куда именно он собирается его класть.

— Никуда пока. У меня там объявления о квартирах. И полминуты, где я снял катер на Неве и один человек написал, что это теплоход.

— А это был катер?

— Я ещё сам не решил.

Саша посмотрела на место, где девочка трогала вмятину. В круглой боковине отражалась только её рука. Она сказала, что сделает два варианта: для них и короткий отрывок для портфолио. Пусть Миша пришлёт ей почту, на которую удобно получить файлы. Миша напомнил, что уже писал ей на почту до первого рабочего дня. Саша призналась, что до сих пор не открыла того письма. Он не поверил. Она показала ему, как искать в почте, и на экране действительно нашлось непрочитанное сообщение. Заголовок был «В понедельник приду пораньше».

— Вот зачем ты пришёл так рано? — спросила она.

— Хотел осмотреться до того, как меня кому-нибудь покажут.

— Ну и как?

Миша положил коробочку с картой памяти в нагрудный карман, застегнул кнопку.

— Я успел найти человека, который на меня кофе пролил, — сказал он. — Остальное мне показали потом.

15

В последний день к ним пришёл покупатель с рулеткой. За два предыдущих дня Саша привыкла к людям, которые спрашивали длину шнура, количество групп и расход воды, но этот мерил машину только спереди. Мерил каждую кнопку отдельно, потом длину между кнопками. Геннадий приглядывал за ним из-за стойки. Паша уже затянул стяжками три коробки и ходил с ножом в руке, ожидая, когда можно будет закрыть четвёртую.

Покупатель держал кофейню при гостинице. Он придумал закрыть машину деревянным коробом так, чтобы снаружи были видны только носики. Рулеткой проверял, получится ли сделать короб до открытия. На помятую боковину даже не посмотрел. Ему понравилось, что не понадобится платить за новую.

— А сверху как открывать будете? — спросил Геннадий.

Покупатель взглянул на него, как смотрят на человека, который намеренно задал вопрос на три минуты позже, чем следовало. Попросил дать схему. Геннадий нарисовал на обороте рекламной карточки место, где понадобится открывать. Покупатель зачеркнул черту и поставил её на два сантиметра правее. Геннадий вернул черту. Вера отодвинула у них из-под рук стакан, который мог упасть, и спросила, к какому числу нужно открыть гостиницу.

— Через восемь дней.

Вера посмотрела на Геннадия. Тот покачал головой. Саша стояла в двух шагах с камерой, которую забрала у Миши на время обеда. Могла снять, как Геннадий объясняет про короб. Он уже хотел сказать что-то про отвод тепла. В этот момент покупатель спросил Веру, найдётся ли у неё кто-нибудь, кто просто привезёт машину, поставит и не будет восемь дней обсуждать дерево.

Саша опустила камеру. Вера подтянула к себе карточку. Спросила, можно ли забрать её на секунду, и снизу, под чертой Геннадия, написала название другой компании. У них была маленькая машина на одну группу, рассчитанная на такое место. Покупатель выслушал, сложил карточку и сказал, что сначала позвонит плотнику. Когда ушёл, Вера повернулась к Геннадию.

— Мог бы успеть объяснить до рулетки.

— Я бы сам до рулетки не додумался.

Паша убрал нож. На пол упала короткая стяжка. Саша носком сдвинула её под стойку, чтобы никто не наступил.

После закрытия стали выносить оборудование. Ирин стол на складных ножках упирался в соседский экран. Со стойки уже убрали две панели, и пройти можно было только вдоль стены. Паша предложил снять экран с подставки. Человек с компьютерной пружиной сказал, что к экрану лучше никому не прикасаться, иначе они будут объясняться с прокатчиками до Нового года. Саша достала телефон, открыла видео Иры и показала, как та сложила ножки и вывела стол боком. Паша пересмотрел два раза, дёрнул нужную скобу. Ножка сложилась. Стол прошёл между стеной и экраном с зазором в два пальца.

Саша отправила Ире фото пустого угла. Ира ответила, что завтра у неё выходной и с утра она собирается ничего не переставлять. Через минуту прислала снимок комнаты. В углу стояли четыре пакета и одна табуретка. Она успела передвинуть диван, чтобы кошка больше не могла затаскивать под него фантики. Саша увеличила фото и показала Мише. Кошка сидела на прежнем месте дивана, возле батареи, и смотрела в объектив, словно именно её попросили подписать акт приёмки.

— Она про меня знает? — спросил Миша.

Саша посмотрела на него. Он указал подбородком на телефон.

— Ира, — уточнил он.

— Знает.

Миша свернул ремень, которым они притягивали машину к столу. Один конец ремня всё время раскручивался. Он завернул его внутрь и прижал локтем.

— А кто ещё?

— Паша. Геннадий.

— Геннадий знает, потому что мы сами при нём стояли.

— Катя, наверное, тоже.

Миша повернул голову к Кате, которая в дальнем углу застёгивала чехол от кофемолки и кричала, что ей нужен маркер. Потом посмотрел на Сашу. Она поняла, что он ждёт другой фамилии. Миша сам пока никого из друзей ей не представлял. Севу она слышала в трубке, и то на заднем плане. Лиде он, судя по сообщениям, говорил, что задерживается на съёмках.

— Ты бы хотел, чтобы кто-нибудь ещё знал? — спросила она.

— Мне завтра к матери, — сказал Миша. — Я у неё полку вешаю. Она предложила позвать Севу, чтобы держал. Севу я знаю. Он через пять минут отпустит. Я подумал, может, ты бы захотела.

— Вешать полку?

— До обеда. Потом можем уйти.

Саша посмотрела на свой палец. Пластырь под перчаткой скатался в тонкий валик. Полка могла подождать. Встречу с Мишиной матерью Саша ещё не умела представить, кроме как через тарелку, которую ей поставят на стол, и Мишино лицо, когда его спросят, что она любит есть.

— Я завтра хочу спать, — сказала она.

— Хорошо. Сева будет держать.

Он сказал это обыкновенно и нагнулся за коробкой. Саша прижала ногой хвост ремня, чтобы помочь. Она успела забыть, что тоже имеет право не соглашаться, если её приглашают. До выхода из павильона они дотащили коробку вдвоём. У грузовых ворот Миша подул ей на руку поверх перчатки. Перчатка была толстая, тепла она не почувствовала. Зато увидела, что у него запотели очки, которые он надел, чтобы вести машину. Он снял их, убрал в карман и понёс коробку дальше.

16

Саша помнила выставку по коротким отрезкам. Вот она стоит босиком за ширмой, пока Миша растирает ей пятку после четырёх часов в новых туфлях. Вот маленький мальчик суёт ей в ладонь два кофейных зерна и спрашивает, можно ли посадить их в горшок. Вот Вера видит в первый раз ролик Нади на большом экране и велит включить звук погромче. Вот в два часа ночи Миша присылает из соседнего номера фото Геннадия, спящего сидя в кресле с бумажной схемой на коленях, и пишет: «Он сказал, только глаза закроет. Уже час не могу забрать у него схему».

В феврале Саша наконец познакомила Мишу с Ирой. Ира пригласила их помочь собирать шкаф, который в одиночку собрала бы за сорок минут. Миша пришёл с шестигранником и пакетом мандаринов. Ира поставила музыку, от которой на третьей песне у него задёргался глаз. Саша следила за ним и хихикала.

— Если вам надо поговорить без меня, я спущусь за вином, — сказал он.

— Не надо, — сказала Ира. — Я почти закончила допрос.

— А мандарины в протокол попадут?

— Если сладкие.

После шкафа он пошёл выносить упаковку, а Ира открыла окно и стряхнула стружку с подоконника.

— Ну? — спросила Саша.

— Один уголок прикрутил не той стороной.

— Ира.

— Потом заметил и переделал. Ты про это спрашивала?

С матерью Миши Саша познакомилась в воскресенье, к которому они оба оказались не готовы. Накануне у Миши пропало отопление. Он позвонил соседке, соседка велела пощупать трубу в ванной, потом ушла искать ключ от подвала. Пока она искала, Саша укуталась в плед, села в кресло у окна и уснула. Ночью стало жарко. Она сбросила свитер, натянула Мишину футболку и уснула снова, ни разу не добравшись до кровати.

Утром из кухни донеслось:

— У тебя хлеб где?

Миша ответил, что в шкафу. Женщина открыла шкаф, закрыла. Потом сказала:

— Я тогда поищу в хлебнице.

Саша села. Плед сполз с колен. У дверей не было её тапок, и пришлось выходить босиком. На кухне женщина в синей кофте стояла над доской и ножом выгребала из хлебницы крошки. Миша у плиты держал сковороду и смотрел на Сашу с таким чувством вины, что она сначала решила, будто на ней вообще ничего нет.

— Лида, — представилась женщина. — Я за дрелью пришла. Мне сказали, она здесь, а Миша у Севы.

— Я сказал, что, возможно, буду у Севы, — ответил Миша.

Лида сложила ладонь лодочкой, ссыпала в неё крошки и выкинула. Спросила, сколько яиц Саша ест на завтрак. Саша сказала, что двух хватит, и пошла в комнату за штанами. Когда она вернулась, Лида успела достать ещё одну тарелку, а Миша взял со стула свой свитер и сунул Саше, потому что открыли форточку. Она отказалась, а через минуту всё-таки взяла.

Дрель оказалась в ящике под креслом, на котором она спала. Миша выдвинул ящик, вынул футляр. Вместе с футляром на пол выскользнул конверт. Саша подняла его. Внутри гремело что-то пластмассовое. Лида сказала, что это кассета, и попросила дать посмотреть. Достала её, прочитала наклейку и села в кресло.

— Тут, наверное, лето, когда папа взял у Юры камеру. Хотел лодку снимать. Снимал, как у нас заглох мотор, потом шёл к берегу с камерой в пакете. Воды по пояс, а он всё снимал. На записи видно, как лезет вода в пакет.

— Откуда ты знаешь, если кассета у меня? — спросил Миша.

— До тебя она у меня была.

Лида перевернула кассету. На второй стороне оставалась ещё одна наклейка, синяя. Кто-то написал «8:00» и перечеркнул.

— Не знаешь, где посмотреть? — спросила она.

Миша сказал, что у Севы есть знакомый, который оцифровывает такие вещи. Взял кассету, убрал в конверт. Лида пошевелила босыми пальцами, посмотрела на Сашу и спросила, точно ли отопление теперь есть. Саша ответила, что ночью было даже жарко. Лида позвонила соседке. Поблагодарила за подвал, выслушала ответ и начала искать на кухне листок, чтобы записать номер сантехника. Миша протянул ей собственный блокнот, и Лида вырвала страницу не по линии отрыва. Он посмотрел, как она рвёт, но промолчал.

Остаток утра они искали дрели применение. Лида хотела дома повесить на стену светильник, который раньше стоял на столе. Миша сказал, что на стену можно, если провод достаёт до розетки. Саша спросила, куда Лида хочет освободившийся стол. Лида ответила, что просто хочет наконец увидеть весь стол. На нём пятнадцать лет стоял светильник и ещё столько же просидит, если ему не придумать, куда деться.

К обеду Лида уехала с дрелью и листком. Яйца к тому времени остыли. Саша съела половину и положила остаток Мише. Он сел рядом, встал, чтобы забрать с подоконника конверт с кассетой, и вернулся.

— Я думал, она за ключами придёт на неделе, — сказал он. — Она до среды почти никогда никуда не ездит.

— Я перед ней была босиком.

— Она это переживёт.

— Мне надо пережить.

Миша положил конверт. Встал, ушёл в коридор, вернулся и поставил ей возле стула тапки. Она сунула в них ноги и только тогда поняла, что они разные. На одном была плоская синяя резинка, у другого подошва со следом от батареи. Миша поискал под креслом. Вытащил ещё один с резинкой, положил перед Сашей. Она оставила всё как есть.

— Ты по отцу скучаешь? — спросила она.

Миша подцепил вилкой яйцо. Спросил, откуда она поняла, что отца больше нет. Саша показала на конверт, хотя по конверту нельзя было понять ничего. Миша пожевал, отложил вилку.

— Иногда он мне снится. Во сне спрашивает что-нибудь, на что я не знаю ответа. Который час, например. Я говорю «не знаю». Он достаёт часы и показывает.

— И который?

— Никогда не помню.

Он не убрал конверт со стола. Саша вымыла две тарелки. Пока ставила их ребром, заметила, что Лида вытерла крошки с доски, а под доской оставила полоску муки. Саша провела по полоске мокрым пальцем. Миша позвал её посмотреть наклейку. Сбоку от перечёркнутых цифр нашлась приписка «синий». Что там было синее, Миша не знал. Саша предложила дождаться записи. Он кивнул и перевернул кассету прозрачным окошком к свету. На одной катушке ленты было заметно больше. Ему хотелось перемотать её сразу, руками. Он потянулся за карандашом, потом убрал руку и положил конверт в карман.

17

В последнюю субботу февраля Миша застал Сашу перед зеркалом в зелёном платье. Он приехал вернуть ей книгу, которую она оставила у него, и позвонил, когда она пыталась застегнуться. Платье было тёмно-зелёное, с длинной застёжкой на спине. Саша держала бегунок между пальцами и пыталась дотянуть до лопаток. Увидев Мишу, попросила помочь. Он подошёл, застегнул молнию и на секунду оставил ладонь у неё на затылке. Саша стояла неподвижно. Потом посмотрела в зеркало и увидела, что он тоже смотрит в зеркало.

— Куда идёшь?

— К Ире. У неё в магазине переодевание, потом они куда-то всей сменой. Я обещала забрать её после.

Миша отступил. Саша увидела книгу у него в руке. Она думала, что потеряла её в метро, и уже купила вторую. Миша сказал, что нашёл под пледом. Саша взяла, открыла. Вместо закладки он вставил туда чек. На чеке стояли рыба, рис и батарейки. Саша посмотрела на дату. Как раз в тот вечер они мыли посуду в темноте.

— Может, пойдёшь с нами? — спросила она.

— Там кто-нибудь из смены меня знает?

— Ира.

Он подумал. Сказал, что лучше сходят вдвоём, когда Ира закончит. Саша подержала книгу, потом положила на комод. У неё ещё оставалось сорок минут. Она могла поехать раньше и там подождать, могла переодеться обратно, потому что в платье не было карманов и на улице мороз. Миша посмотрел на часы. Он собирался в магазин за креплением для полки. Саша взяла его за рукав, потянула в комнату и сказала, что крепление может подождать. Миша поднял глаза. Она поцеловала его первой.

Когда Саша снова встала перед зеркалом, до встречи оставалось пятнадцать минут. На платье сзади застрял тонкий волос. Миша снял, показал. Саша сказала, что у неё чёрные волосы и этот, похоже, из его свитера. Он поднёс к свету. Волос оказался ниткой. Саша взяла нитку, пошла за ножницами, вернулась и отрезала там, где у свитера распустился ворот. Миша сидел на краю кровати. Она спросила, есть ли у него сегодня ещё дела. Он сказал, что больше не хочет ехать за креплением, но обещал матери перезвонить. Саша велела звонить, пока она красит губы. Миша не позвонил. Пошёл с ней до остановки.

В автобусе было жарко. Саша расстегнула пальто, платье снова стало видно. Миша стоял напротив, одной рукой держал поручень. На следующей остановке вошло столько людей, что его прижало к Саше. Он спросил тихо, держит ли она сумку. Саша показала: сумку зажали между ними. Миша приподнял её, чтобы не упала, и так ехал до перекрёстка. Никто вокруг не смотрел. У Саши за ухом ещё оставалось тепло от его пальцев. Ей нравилось стоять, прижавшись к нему через пальто, пока снаружи люди закрывали лица от ветра.

У магазина Ира ждала в пуховике, под пуховиком выглядывали лилии. Она увидела Сашу с Мишей, показала на рукав халата и сказала, что переодевание затянулось. Миша отдал Саше сумку. Сказал Ире, что если она когда-нибудь продаёт этот халат, пусть сначала скажет ему. Ира посмотрела на него с подозрением. Он объяснил, что у матери день рождения весной и она всё время просит что-нибудь, в чём можно выйти к мусорным бакам. Ира сказала, что для выхода к мусорным бакам у них есть модель с медведем. Миша попросил подумать о скидке. Ира пообещала, но без скидки на доставку.

Миша пошёл дальше к метро. Саша смотрела ему вслед и думала, что вполне могла уйти с ним, если бы захотела. Потом повернулась к Ире. Ира расстегнула пуховик, распахнула халат и показала, что под ним тоже платье. На спине у платья была та же неудобная застёжка. Саша подошла, поправила бегунок. Из магазина вышли две женщины, одна несла торт, вторая пакет

с коробками. Саша взяла у неё пакет. Ира взяла Сашу под руку. Пошли в другую сторону, и Саша ещё до первого перекрёстка успела придумать, как расскажет Мише, если платье не выдержит хотя бы до торта.

18

В марте Саша простудилась и проспала субботу, пока Миша сходил на рынок за курицей, вернулся, сварил бульон и ушёл к матери отвезти ей паяльник. Саша проснулась, нашла кастрюлю на плите и записку «лавровый лист выловить». Лист она выловила, позвонила ему и попросила вернуться на ночь. Он пришёл с чужим зонтом, который мать сунула ему в руки, и с запахом припоя от свитера. Саша потянула его в кровать, хотя успела предупредить, что заразная. На следующий день он ушёл раньше, чтобы дома переодеться. Ей нравилось знать, что вечером снова увидит его, и всё-таки жаль было выпускать из рук край его свитера.

Они много времени проводили по отдельности. Миша ездил с другом Севой на рыбалку, Саша не захотела вставать ради рыбы в четыре утра и иногда не отвечала ему до полудня. У Иры по четвергам был выходной, они ходили плавать. Миша по четвергам звонил матери, и его можно было подловить у окна с телефоном и услышать подробности про рассаду. Иногда они встречались у метро просто для того, чтобы пройти две остановки рядом. У Саши лежала дома его зубная щётка, у него в ванной висело её полотенце. Чужие вещи выглядели там как приглашение.

В апреле Миша позвал Сашу к Севе за кассетой. Тот работал в прокате света на другом конце города. Саша представила склад с катушками и длинными ящиками. На деле у входа стоял диван, на диване спала собака, а за спиной у Севы горели четыре одинаковые лампы. Три давали тёплый свет, четвёртая то и дело мигала. Сева наклеил на неё бумажку «нормальная» и сказал, что надо дождаться, пока прогреется.

— Это Саша, — сказал Миша.

— Булку съела? — спросил Сева.

Саша вспомнила про день, когда он разбил руку и Миша оставил её ждать у булочной. Стала соображать, как долго об этом рассказывают друг другу мужчины.

— Две ватрушки ещё были, — сказал Миша.

— Вот. Мне он тогда одну не отдал, хотя я попросил.

Сева обошёл стол, поднял из-под него небольшой телевизор. У телевизора была выпуклая поверхность, на ней отражались четыре лампы, суженные в короткие белые пятна. Миша спросил, зачем телевизор, если запись уже на флешке. Сева ответил, что на флешке есть две версии, одна для просмотра, вторая как была на кассете, а сам он ещё ничего не видел и намерен наконец посмотреть, раз они пришли.

Запись началась с молочного стекла. Что-то шоркнуло по микрофону. Потом стекло стало водой, а на воде обозначилась рябь. Миша придвинул табурет и сел ближе. В глубине кадра женщина в красной куртке держала за борт лодку. Саша узнала Лиду по тому, как она упёрлась пяткой в землю и, не оборачиваясь, попросила убрать подальше пакет.

— Сейчас он затонет, — сказал Миша.

Никто не затонул. Лида засмеялась, человек за камерой обошёл её и направил объектив на мотор. Звук стал настолько тихим, что Сева прибавил громкость. Саша услышала, как кто-то третий спрашивает, кто возьмёт плавки. В кадр на секунду вошла голая коленка. Миша сказал, что это он. Сева отмотал назад. Коленка больше ничем себя не выдала. Миша указал на пятно сбоку и объяснил, что летом в девятом классе так проехался на велосипеде о бордюр. Как раз после этого отец купил ему шорты подлиннее.

На пятой минуте камера стала дрожать. Миша подался вперёд. Лида действительно ушла в сторону берега, а человек за камерой остался в воде. Плёнка шла ещё сорок секунд. Потом одна половина экрана стала синей, вторая серой, звук ушёл. Сева потянулся к выключателю. Миша перехватил его за рукав.

После синего экрана шла кухня. Камеру поставили низко, на край стола. В кадре оказалась половина лица Лиды, воротник халата и варёное яйцо в подставке. Лида стукнула по скорлупе ножом. Кто-то за кадром сказал: «Не с того конца». Она повернула голову. Саша думала, что Лида ответит, и даже приготовилась услышать её нынешний голос, быстрый, с такой интонацией, будто ответили уже вчера и всё равно приходится объяснять. Лида просто перевернула яйцо. На столе вздрогнул свет. Кто-то поставил перед ней вторую подставку, теперь уже пустую. Она спросила, где Мишка.

Телевизор погас. Сева выключил лампы. Та, которую он объявил нормальной, мигнула напоследок. Миша смотрел на пустой экран. Саша подвинула ближе свободный стул и села. Сева спросил, нужно ли позвонить Лиде, чтобы она тоже приехала посмотреть. Миша вынул флешку и сказал, что покажет ей сам.

— Хочешь, уберу всё, где у вас лодка уплывает? — спросил Сева.

— Оставь как есть.

— Ты сам можешь убрать.

— Могу.

Они вышли со склада, когда уже зажглись фонари. Саша пошла мимо ворот к автобусу, а Миша остался на тротуаре. Она вернулась. Он держал флешку в кулаке, хотя на куртке были карманы.

— Я думал, про отца больше будет, — сказал он.

— Он камеру держал.

— Ну вот. А я до сих пор не помню, каким голосом он со мной утром говорил.

Саша ничего не ответила. Через дорогу у мусорных контейнеров стоял мужчина в форме охранника. Он перекладывал из одной руки в другую две тяжёлые сумки, будто искал, как поставить их одновременно. Миша посмотрел туда, потом на фонарь над воротами. Спросил, можно ли в следующий раз, когда они увидятся с Лидой, поставить камеру где-нибудь подальше и не выключать, пока та будет делать обычные вещи. Саша спросила, зачем подальше. Он пожал плечами. Через секунду сказал, что, когда камера перед лицом, Лида начнёт оправдываться за беспорядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.